

А.Ф. Кони

За последние годы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К64

К64 **Кони А.Ф.**
За последние годы / А.Ф. Кони – М.: Книга по Требованию, 2021. – 768 с.

ISBN 978-5-518-02513-4

ISBN 978-5-518-02513-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПАМЯТИ

КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА ТЕОДОРОВИЧА

ОДОЕВСКОГО.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вмѣсто предисловія	стр. IX
------------------------------	------------

Судебныя рѣчи.

Обвинительныя рѣчи.

I. По дѣлу объ оскорбленіи въ печати помощника Семирѣченскаго военнаго губернатора Аристова (1893 г.)	5
II. По дѣлу о редакторѣ-издателѣ газеты «Гражданинъ» князѣ В. П. Мещерскомъ, обвиняемомъ въ опозореніи въ печати военныхъ врачей (1893 г.)	26
III. По дѣлу земскаго начальника Харьковскаго уѣзда кандидата правъ Василія Протопопова, обвиняемаго въ преступленіяхъ по должности (1893 г.)	46

Кассационныя заключенія.

I. По дѣлу Парфенова, обвиняемаго по 1554 ст. Улож. (1894 г.). (<i>Раскольничій бракъ и многобрачіе</i>)	65
II. По дѣлу объ убійствѣ псаломщика Кедрова (1894 г.) (<i>Нарушеніе тайны исповѣди</i>)	74
III. По дѣлу Ольги Палемъ, обвиняемой въ убійствѣ студента Довнара (1893 г.)	89
IV. По дѣлу доктора Іегера съ профессоромъ Манасеинымъ (1892 г.). (<i>Опозореніе въ печати иностранца</i>)	119
V. По дѣлу Дѣйств. Стат. Совѣтника Алабина, обвиняемаго въ бездѣйствіи власти (1895 г.)	131
VI. По дѣлу Леонида Линевича, обвиняемаго въ покушеніи на отцеубійство (1894 г.)	145
VII. По дѣлу Штабсъ-Капитана Сазонова, обвиняемаго въ присвоеніи документа и въ подлогѣ (1891 г.)	153
VIII. По дѣлу о злостномъ банкротствѣ купца Акимова, и о 12-ти его соучастникахъ (1890 г.). (<i>Гражданскій искъ въ уголовномъ дѣлѣ</i>)	163
IX. По дѣлу отставнаго поручика Вельяшева, обвиняемаго въ укрывательствѣ подлога векселей (1890 г.)	184
X. По дѣлу о Кетхудовѣ, Махровскомъ и Пановѣ, обвиняемыхъ въ похищеніи постъ-пакета на сумму 130.000 р. (1888).	196

XI. По дѣлу крестьянина Хлѣбникова, обвиняемаго въ нанесеніи смертельныхъ поврежденій женѣ своей (1893 г.)	225	стр.
XII. По дѣлу крестьянина Петра Бачурина, обвиняемаго по 2 ч. 1085 ст. Улож. (1889 г.). (<i>Обратный искъ въ уголовномъ судѣ</i>)	232	
XIII. По дѣлу персидскаго принца Кейкубата-Мирзы (1889 г.)	240	
XIV. По дѣлу о Мултанскомъ жертвоприношеніи (1895 г.)	245	

Юридическія сообщенія и замѣтки.

I. О новыхъ теченіяхъ въ уголовномъ процессѣ Италіи и Германіи	261
II. Судебная реформа и судъ присяжныхъ	275
III. Судъ и паспортная система	294
IV. Новые мѣха и новое вино (<i>Изъ исторіи первыхъ дней судебной реформы</i>)	308
V. О судѣ присяжныхъ и о судѣ съ сословными представителями	340
VI. Предѣльный возрастъ для судей	367
VII. Изъ юридическихъ бесѣдъ:	
1) О несвѣдѣмости по проекту Уголовнаго Уложенія	386
2) По поводу преступленій печати	393
3) Антропологическая школа въ уголовномъ правѣ	399
4) Власть суда въ примѣненіи наказанія	402
VIII. Возобновленіе уголовныхъ дѣлъ	408
IX. Освидѣтельствованіе сумасшедшихъ въ Особомъ Присутствіи Губернскаго Правленія	419
X. Раздѣленіе голосовъ по дѣламъ уголовнымъ	431

Воспоминанія и біографическіе очерки.

I. Памяти В. А. Арцимовича	439
II. Александръ Дмитріевичъ Градовскій	446
III. Константинъ Дмитріевичъ Кавелингъ	456
IV. Михаилъ Александровичъ Языковъ	466
V. Георгій Николаевичъ Мотовиловъ	469
VI. Оедоръ Михайловичъ Достоевскій	474
VII. Александръ Васильевичъ Головинъ	490
VIII. Александръ Даниловичъ Шумахеръ	492
IX. Юридическія поминки	496
X. Феодоръ Петровичъ Гаазъ	506
XI. Дмитрій Александровичъ Ровинскій	609

Приложенія.

I. Спиноза въ русскомъ переводѣ	701
II. Космографія Петровскихъ временъ	708
III. Задачи трудовой помощи	719

Алфавитный указатель объясненій и ссылокъ	731
Указатель статей закона	737

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Второе изданіе книги *«За послѣдніе годы»* содержитъ, подобно первому, вышедшему въ 1896 году, — *обвинительныя рѣчи и кассационныя заключенія*, произнесенныя авторомъ въ судебныхъ засѣданіяхъ Уголовнаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената съ 1888 по 1896 г. — и служить, поэтому, продолженіемъ вышедшей тремя изданіями книги *«Судебныя рѣчи»* (1868—1888 г.) — Отдѣлъ *воспоминаній и біографическихъ очерковъ* въ настоящемъ изданіи дополненъ очеркомъ жизни Теодора Петровича Гааза и некрологомъ Александра Даниловича Шумахера; — въ отдѣлѣ *приложеній*, не подходящихъ подъ три главныя рубрики книги, — прибавлено письмо о «задачахъ трудовой помощи»; въ концѣ книги помѣщены — *алфавитный указатель* объясненій и ссылокъ юридическаго характера и *указатель* приводимыхъ *статей закона*.

Первое изданіе этой книги было посвящено *памяти Теодора Петровича Гааза*.

Предполагая принять участіе въ Международномъ Тюремномъ Конгрессѣ, бывшемъ въ С.-Петербургѣ въ 1890 году, и произнести рѣчь объ извѣстномъ англійскомъ филантропѣ Джонѣ Говардѣ, авторъ, собирая свѣдѣнія о русскихъ его послѣдователяхъ, встрѣтился съ данными, относящимися къ дѣятельности старшаго врача Московскихъ тюремныхъ больницъ съ 1829 по 1853 годъ — доктора Теодора Петровича Гааза.

Чѣмъ дальше шло ознакомленіе съ разбросанными по различнымъ изданіямъ замѣтками и воспоминаніями о Гаазѣ, тѣмъ ярче и привлекательнѣе выступала, въ своей величавой простотѣ, его, совсѣмъ забытая, личность, заслоня собою образъ Говарда.

•

Разборъ обширнаго архивнаго матеріала по дѣламъ и журналамъ попечительнаго о тюрьмахъ общества, разсмотрѣніе рукописей и писемъ Гааза—и сношенія съ людьми, лично его знавшими или слышавшими о немъ отъ его друзей или близкихъ знакомыхъ,—дали возможность подробно изучить сердечную глубину и нравственную высоту этого человѣка во всѣхъ проявленіяхъ его трудовой, всецѣло отданной на служеніе человѣчеству, жизни.

Результатомъ этого изученія былъ рядъ публичныхъ чтеній о Гаазѣ въ пользу голодающихъ въ 1892 году. Къ сожалѣнію—авторъ былъ лишень возможности, за недосугомъ, придать надлежащее для печати развитіе тѣмъ очень краткимъ замѣткамъ, по которымъ читались эти лекціи, а также дополнить ихъ разнообразными данными, полученными уже впоследствии. Онъ не терялъ впрочемъ надежды сдѣлать это въ недалекомъ будущемъ. Составляя первое изданіе книги «за послѣдніе годы», онъ не могъ, однако, отрѣшиться отъ воспоминанія о тѣхъ часахъ, которые въ теченіе этихъ лѣтъ были проведены имъ въ изученіи личности и жизни Гааза и въ бесѣдахъ о немъ. Поэтому, не ожидая «недалекаго будущаго» онъ съ благодарнымъ чувствомъ посвятилъ свою книгу *памяти Теодора Петровича Гааза*, ограничившись сообщеніемъ лишь самыхъ краткихъ о немъ свѣдѣній.

Въ январѣ и февралѣ 1897 года очеркъ жизни и дѣятельности Гааза былъ напечатанъ въ «Вѣстникѣ Европы» и вслѣдъ затѣмъ изданъ отдѣльною книжкою, съ портретомъ, въ количествѣ 4000 экземпляровъ, вызвавъ въ многочисленныхъ и разнообразныхъ органахъ печати внимательное къ себѣ отношеніе и сочувственные отзывы объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ.

Такимъ образомъ цѣль посвященія—напомнить, по мѣрѣ возможности, русскому обществу о Теодорѣ Петровичѣ Гаазѣ—была достигнута и надо надѣяться, что путемъ изданія дешевыхъ брошюръ и общедоступныхъ пересказовъ о его жизни, его имя будетъ ограждено на будущее время отъ обычнаго у насъ забвенія.

Поэтому, помѣщая свой очеркъ о Гаазѣ въ настоящемъ изданіи, авторъ считаетъ нынѣ возможнымъ посвятить книгу памяти другого выдающагося общественнаго и литературнаго дѣятеля—*князя Владимира Теодоровича Одоевскаго*.

Надѣясь со временемъ изложить подробно содержаніе публичнаго чтенія о князѣ Одоевскомъ (въ ноябрѣ 1897 года, въ Солянскомъ городкѣ, въ пользу пострадавшихъ отъ наводненія), составитель этой книги рѣшается напомнить, въ самыхъ краткихъ чертахъ о томъ, кто такой былъ тотъ, кому она посвящена.

Князь Владиміръ Θεодоровичъ Одоевскій родился въ Москвѣ 30 іюля 1803 г. и былъ послѣднимъ представителемъ одной изъ старѣйшихъ вѣтвей рода Рюриковичей, происходя по прямой линіи отъ князя черниговскаго Михаила Всеволодовича, замученнаго въ 1246 г. въ Ордѣ и причтеннаго къ лику святыхъ. Окончивъ курсъ въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, онъ сотрудничалъ въ «Вѣстникѣ Европы», а затѣмъ, сблизившись съ Грибоѣдовымъ и Кюхельбекеромъ, издавалъ въ 1824—1825 гг. альманахъ «Мнемоина». Въ 1826 г. поступилъ на службу въ вѣдомство иностранныхъ исповѣданій и долгое время редактировалъ «Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ». Въ 1846 г. былъ назначенъ помощникомъ директора Императорской публичной библиотеки и директоромъ Румянцевскаго музея. Съ переводомъ въ 1861 г. музея въ Москву, назначенъ сенаторомъ московскихъ департаментовъ сената и состоялъ первоприсутствующимъ 8 департамента. Скончался 27 февраля 1869 г. и погребенъ на кладбищѣ Донскаго монастыря.

Таково его виѣшнее «прохожденіе службы». Но внутри этихъ «формулярныхъ» рамокъ помѣщается жизнь, посвященная служенію лучшимъ сторонамъ духовной природы человѣка и высшимъ потребностямъ общественнаго строя. Человѣкъ самаго равносѣннаго и глубокаго образованія, вдумчивый и воспримчивый мыслитель, талантливый и оригинальный писатель, Одоевскій чутко отзывался на всѣ явленія современной ему научной и общественной жизни. Вліаніе университетскаго пансіона, руководимаго замѣчательнымъ по своему гуманному направленію педагогомъ Прокоповичемъ-Антонскимъ и лекціи горячаго послѣдователя Шеллинга, молодого профессора Павлова, сказались въ тѣхъ взглядахъ, съ которыми вступилъ Одоевскій въ жизнь, не измѣнивъ имъ затѣмъ ни въ чемъ существенномъ.

Исканіе во всемъ и прежде всего правды («Ложь въ искусствѣ, ложь въ наукѣ и ложь въ жизни, писалъ онъ въ свои преклонные годы,—были всегда и моими врагами, и моими мучителями: всюду я преслѣдовалъ ихъ и всюду они меня преслѣдовали»), уваженіе къ человѣческому достоинству и душевной свободѣ, проповѣдь снисхожденія и дѣятельной любви къ людямъ, восторженная преданность наукѣ и стремленіе всесторонне вникнуть въ организмъ духовной и физической природы отдѣльнаго человѣка и цѣлаго общества—вотъ характерныя черты его произведеній и его образа дѣйствій. Онѣ проявляются уже въ его первыхъ литературныхъ опытахъ—въ полемикѣ съ Булгариннымъ, въ письмахъ къ «Луж-

нищому старцу», въ «Старикахъ», гдѣ въ прозрачной и ядовитой аллегоріи выставляются жалкія и отрицательныя стороны служебной и общественной жизни. Красной нитью проходятъ онѣ черезъ все собраніе его сочиненій, изданное въ трехъ томахъ въ 1844 г. и съ тѣхъ поръ дѣякомъ не повторенное. Въ немъ Одоевскій является не только какъ занимательный повѣствователь или, по его собственному выраженію, *сказочникъ*, но и какъ научный мыслитель и популяризаторъ нравственно-философскихъ, экономическихъ и естественно-историческихъ ученій.

Зорко слѣдя за открытіями въ наукѣ и за новыми теоріями, онъ, въ той или другой формѣ, знакомитъ съ ними своихъ читателей. Его языкъ—живой и образный, иногда слишкомъ богатый сравненіями и метафорами,—въ передачѣ сложныхъ и отвлеченныхъ понятій очень опредѣлительнъ и ясенъ. Въ немъ почти постоянно слышится, подмѣченный Вѣлинскимъ, «безпокойный и страстный юморъ», а нѣкоторыя страницы напоминаютъ блестящіе ораторскіе приемы. Главное мѣсто среди сочиненій Одоевского принадлежитъ безспорно «Русскимъ ночамъ» — философской бесѣдѣ между нѣсколькими молодыми людьми, въ которую влетены, для иллюстраціи высказываемыхъ ими положеній, рассказы и повѣсти, отражающіе въ себѣ задушевыя мысли, надежды, симпатіи и антипатіи автора. Такъ, напримѣръ, рассказы «Послѣднее самоубійство» и «Городъ безъ имени» представляютъ, на фантастической подкладкѣ, строго и послѣдовательно до конца доведенный законъ Мальтуса о возрастаніи населенія въ геометрической прогрессіи, а произведеній природы въ арифметической, со всѣми изъ этого послѣдствіями, — и теорію Вентама, кладущую въ основаніе всѣхъ человѣческихъ дѣйствій исключительно начало полезнаго, какъ цѣль и какъ движущую силу. Лишенная внутренняго содержанія, замкнутая въ лицемѣрную условность, свѣтская жизнь находитъ себѣ живую и яркую оцѣнку въ «Насмѣшкѣ мертвеца» и, въ особенности, въ патетическихъ страницахъ «Бала» и описаніи ужаса передъ смертью, испытываемаго собравшемся на балѣ публикою. Стремленіе къ чрезмѣрной спеціализаціи знаній съ утратой сознанія объ общей между ними связи и гармоніи, — на что всегда жестоко нападалъ Одоевскій, — даетъ сюжетъ для «Импровизатора» и ряда другихъ рассказовъ.

Въ «Русскихъ ночахъ» особенно выдаются два разсказа: «Бригадиръ» и «Себастьянъ Вахъ»; первый—потому, что въ немъ авторъ, за пятьдесятъ лѣтъ до появленія «Смерти Ивана Ильича», затрогиваетъ ту же самую — и по основной идеѣ и по ходу разсказа — тему, которую впоследствии, конечно съ неизмѣримо большимъ

талантомъ, разработалъ графъ Л. Н. Толстой; а второй—потому, что здѣсь (а также и въ «Послѣднемъ квартетѣ Бетховена») авторъ, излагая, съ изящною простотою, трогательную біографію Баха, высказалъ свою восторженную любовь къ музыкѣ — «величайшему изъ искусствъ» — серьезному изученію исторіи и теоріи которой онъ посвятилъ въ значительной мѣрѣ свою жизнь. Еще въ 1833 г. онъ написалъ «Опытъ о музыкальномъ языкѣ», много занимался ватѣмъ вопросомъ о наилучшемъ устройствѣ своего любимаго инструмента — органа, и даже изобрѣлъ самъ особый инструментъ, названный имъ энгармоническимъ клавиномъ. Отдавшись, послѣ переселенія въ Москву, изученію древней русской музыки, онъ читалъ о ней лекціи у себя на дому; въ 1868 г. издалъ «Музыкальную грамоту или основанія музыки для не музыкантовъ» и открылъ московскую консерваторію рѣчью «объ изученіи русской музыки не только какъ искусства, но и какъ науки». Его совѣтами неоднократно пользовался Глинка, когда писалъ свою оперу «Жизнь за Царя», успѣхъ которой былъ отпразднованъ въ квартирѣ Одоевского пѣніемъ шутливаго канона (...«веселися Русь! нашъ Глинка — ужъ не глина, ужъ не глина, а фарфоръ»), сочиненнаго Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ и Вьельгорскимъ и положеннаго на музыку самимъ Глинкою и Одоевскимъ. Смерть застала Одоевского за усиленными заботами объ устройствѣ въ Москвѣ съѣзда археологовъ (онъ былъ однимъ изъ учредителей археологическаго общества, а также Императорскаго географическаго общества), во время котораго ученики консерваторіи должны были подъ его руководствомъ исполнять древніе русскіе церковные напѣвы... Это старинное пѣніе раздавалось на его скромныхъ похоронахъ...

Среди повѣстей и разсказовъ, не вошедшихъ въ «Русскія ночи» выдѣляются: большая повѣсть «Саламандра», полуисторическій, полуфантастическій сюжетъ которой, навѣянъ на автора изученіемъ крайне интересовавшей его исторіи алхиміи и изслѣдованіями Я. К. Грота о финскихъ легендахъ и повѣрьяхъ, — и серія полныхъ злой ироніи разсказовъ изъ свѣтской жизни («Новый годъ», «княжна Мими», «княжна Зива»). Сатирическія сказки («О мертвомъ тѣлѣ, неизвѣстномъ кому принадлежащемъ», «О господинѣ Кивакалѣ» и др.), изъ которыхъ нѣкоторыя отличаются мрачнымъ колоритомъ и, въ виду господствовавшихъ тогда въ правящихъ сферахъ взглядовъ, большою смѣлостію — составляютъ переходъ отъ фантастическихъ разсказовъ, гдѣ чувствуется сильное вліяніе Гофмана, къ ряду прелестныхъ и остроумныхъ нравоучительныхъ («Душа женщины», «Игоша», «Необойденный домъ»), а также дѣтскихъ сказокъ, одинаково чуждыхъ, какъ дѣланной чувствительности, такъ и слиш-

комъ раннего, безжалостнаго ознакомленія дѣтей съ ужасами жизни и ея скорбями. Значительная часть послѣднихъ сказокъ была издана отдѣльною книжкой подъ названіемъ «Сказокъ дѣдушки Иринаея», и для людей, дѣтство которыхъ совпало съ пятидесятыми годами, «Червячекъ» и, въ особенности «Городокъ въ табакеркѣ», вѣроятно, остались памятливыми на всю жизнь.

Одною изъ выдающихся сторонъ литературной дѣятельности Одоевского была забота о просвѣщеніи народа, въ способности и добрыхъ духовныхъ свойствахъ котораго онъ страстно вѣрилъ,— забота тѣмъ болѣе цѣнная, что крайне рѣдко встрѣчалась въ то время и многими разсматривалась какъ неумѣстное чудачество. Долгіе годы состоялъ онъ редакторомъ «Сельскаго Обзоренія», издававшегося министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; вмѣстѣ съ другомъ своимъ, А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, выпустилъ въ свѣтъ книжки «Сельскаго чтенія» въ двадцати тысячахъ экземпляровъ, подъ заглавіями: «Что крестьянинъ Наумъ твердилъ дѣтамъ по поводу картофеля», «Что такое чертежъ земли и на что это пригодно», (исторія, значеніе и способы межеванія) и т. д.; написалъ для народнаго чтенія рядъ «Грамотокъ дѣдушки Иринаея»—о газѣ, желѣзныхъ дорогахъ, порохѣ, повальныхъ болѣзняхъ и о томъ, «что вокругъ человѣка и что въ немъ самомъ», и, наконецъ, издалъ «Пестрыя сказки Иринаея Гомозейки», написанныя языкомъ, которымъ восхищался знатокъ русской рѣчи Даль, находившій, что нѣкоторымъ изъ придуманныхъ Одоевскимъ поговорокъ и пословицъ можетъ быть приписано чисто народное происхожденіе (напримѣръ «дружно не грузно, а врозь хоть брось», «двѣ головы и въ чистомъ полѣ дымятся, а одна и на шесть гаснетъ»...).

Искренно преданный интересамъ литературы, не пренебрегая ни къ какому исключительному кружку, сочувствуя и помогая всему честному и даровитому, что въ ней появлялось, Одоевскій дорожилъ званіемъ литератора и гордился имъ. Другъ Пушкина и кн. Вяземскаго, онъ радушно раскрывалъ свои двери для всѣхъ товарищей по перу, безглаголиво относясь лишь къ Вулгарину и Сенковскому, которые его терпѣть не могли, и ставя свои занятія литературою выше всего, что давалось ему его знатнымъ происхожденіемъ и общественнымъ положеніемъ. «Печать, говорилъ онъ, дѣло великое» и сравнивалъ ее съ осѣлкомъ, о который разбиваются выдуманныя репутаціи умныхъ людей. «Честная литература—писалъ онъ—точно брандвахта, аванпостная служба среди общественнаго коварства». Всегда стоя на стражѣ противъ всякихъ двусмысленныхъ и нечистыхъ приемовъ, онъ предупреждалъ писателей о грозившихъ имъ съ какой-либо стороны опасностяхъ, въ тре-